

В. Г. Белинский

**Провинциальная жизнь
(Ольский)...**
Сочинение Егора...

Виссарион Григорьевич Белинский

Провинциальная жизнь (Ольский)... Сочинение Егора Классена

«...И вот теперь является умножить собою число сих гениальных романистов г. Классен. Он так уверен заранее в успехе своего произведения, что издал его только первую часть, предоставив себе издать вторую когда-нибудь, на досуге, при благоприятных обстоятельствах. Роман его издан опрятно, хотя и украшен пятью плохими литографиями. Но что же содержание этого романа? Вот тут-то и беда...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Провинциальная жизнь
(Ольский)... Сочинение Егора
Классена**

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ (ОЛЬСКИЙ). Описательный роман XIX века. Сочинение Егора Классена. Часть I. С пятью литографированными рисунками. Москва. В тип. Н. Степанова. 1841. В 12-ю д. л. 309 стр.

Со времени появления «Мертвых душ» – а этому прошло уже около года с половиною – никто не решился издать романа. Даже самого неустрашимого Барона Брамбеуса одолел страх и трус велий, – и обещанная им года три назад «Идеальная красавица» так и пропала без вести, оставшись в «Библиотеке» и недочитанного и недописанною[1]. Вот отчего столь многие и так сильно сердились и еще сердятся на «Мертвые души»! Будь жив теперь Лермонтов, никто бы не осмелился печатать своих стихов, и многие потеряли бы охоту писать их даже для собственного удовольствия. Вообще надобно заметить, что Петербург давно уже занимается только приготовлением повестей, а о романах и не думает, – и только один г. Ф(Ө)едоров недавно решился прогоркнуть с своим «Князем Курбским» мимо глаз публики, в надежде быть не замеченным ею, в чем и не ошибся[2]. Но московская литература думает об этом иначе. Москва – город романов по преимуществу. Посмотрите, в самом деле, что делают, кроме этого, московские литераторы? Они не пишут, а оттого их и не читают и о них не гово-

рят; но, впрочем, они писатели, у которых или был, или предполагается талант. Если б они писали, их, может быть, читали бы, и, вероятно, нашлись бы на Руси люди, которые даже и хвалили бы их. Вот, например, г. Киреевский: он уж лет десять (так говорят московские слухи) собирается издать богатое собрание русских народных песен. Может быть, он и не успеет издать их при жизни своей – что ж? – они издадутся после его смерти, и если не мы, то наши дети будут читать их[3]. Г-н Погодин уже около двадцати лет обещает доказать, что варяги были скандинавы и что Каченовский ввел опасный раскол в ученую литературу русской истории, – и будьте уверены, что он когда-нибудь докажет нам эту интересную истину[4]. А если не успеет – не беда: он передаст ее какому-нибудь молодому ученому, и тот докажет. Г-н Шевырев давно хлопочет об истреблении в русской литературе вредного духа неуважения к писателям, с которыми он, г. Шевырев, находится в приятельских отношениях; для этого он решился твердо, какими бы то ни было способами, заставить замолчать *литературных бобылей* и

безыменных критиков, которые, кроме критик и рецензий, иногда пишут и *типические очерки*...[5] Не знаем, удастся ли г. Шевыреву его истинно благонамеренное литературное предприятие; но знаем, что он не отстанет от него, не употребив всех усилий, не испробовав всех средств[6]. Из живущих в Москве поэтов всех даровитее г-н Фет, а всех знаменитее гг. Языков и Хомяков. Оба они ничего или почти ничего не пишут; но зато о них в Москве много пишут и еще больше говорят. На г. Хомякова друзья его смотрят, как на представителя в поэзии славянского элемента. Такую странную известность приобрел он в Москве двумя стихотворениями, в которых доказал, что древний Рим и новая Англия скоро будут сменены Россией[7]. Стихи г. Хомякова всегда звучны, но ужасно напряженны, – блестящи, но совершенно чужды поэзии: это единственный их недостаток; во всем остальном они столько хороши, сколько могут быть хороши *славянские* стихи. В Москве издается даже литературно-ученый журнал[8]. Вот уже третий год он обещает развить какую-то мысль, но отлагает исполнение своего обеща-

ния на неопределенный срок. В этом журнале печатаются преимущественно статьи о славянах и славянских литературах, стихотворения г. Михаила Дмитриева да брань на «Отечественные записки»... Кстати о стихотворениях г. Михаила Дмитриева: сей поэт пишет стихи уже больше двадцати лет, но славою поэта никогда не пользовался даже в кругу московских своих приятелей, где так легко дается слава поэта даже людям, не написавшим ни одного стиха. Чтоб добиться этой постоянно убегающей его славы, г-н Михайло Дмитриев, вместо дидактического рода, в бесполезном упражнении которым он убедился, изобрел теперь новый, до него небывалый род поэзии, произведения которого можно было бы назвать «рифмованными денонциациями» на безнравственность критиков, не признающих в их сочинителе ни искры поэтического таланта. В руках человека талантливого и острого такие стихотворения были бы по крайней мере опасны для его врагов; но г. Михайло Дмитриев доставляет своим врагам только одно невинное удовольствие — смеяться над беззубою злостью его странных

стихотворений[9].

Мы сказали выше, что Москва – по преимуществу город романов. Это до того справедливо, что Москву не удержало от романов даже появление «Мертвых душ». Патриарх московских романистов, г. Загоскин, издал если не роман, то физиологию Москвы в рассказах и сценах, под названием «Москва и москвичи»; г. Воскресенский издал, кажется, «Сердце женщины»[10]. Романов прочих московских романистов и не перечтешь. «Иоанн Грозный и Стефан Баторий. Исторический роман. Сочинение А. А. Издание второе. Москва». – «Пан Ягожинский. Отступник и мститель. Роман, взятый из древних польских преданий А. П-м. Издание второе. Москва». – Видите ли: это все московские романы! А сколько издали их Кастор и Поллукс московских романистов – гг. Кузьмичев и Славин!.. И вот теперь является умножить собою число сих гениальных романистов г. Классен. Он так уверен заранее в успехе своего произведения, что издал его только первую часть, предоставив себе издать вторую когда-нибудь, на досуге, при благоприятных обстоятельствах. Роман его

издан опрятно, хотя и украшен пятью плохими литографиями. Но что же содержание этого романа? Вот тут-то и беда, потому что в романе г. Классена нет никакого содержания, а есть путаница, в которой ровно ничего нельзя понять и из которой ровно ничего нельзя упомянуть. Тут есть городничий, который боится жены, потому что она его больно щиплет, как только он скажет какую-нибудь глупость, а он только затем и разевает рот, чтоб говорить глупости. Раз, будучи на ярмарке, городничий больно вскрикнул от щипка своей супруги, а один из собеседников бросился к мужикам, продававшим квас, вырвал у них кувшины и стал лить квас на голову городничего, облил всех дам и, вероятно от стыда, что наделал столько глупостей, упал в реку и утонул. Все это г. Классен почитает юмором и верным изображением провинциальных нравов. Хорош эпиграф при первой главе этого романа:

*Писать характеры людей
Есть два манера:
Пером Гомера
И ядом змей.*

*Так пишут мужи славы. —
Где ж славы взять,
Когда писать
Придется для забавы?*

* * *

*Так поэт на зуб гнилой
Пробует орехи;
Но раскусит лишь пустой —
Полный, для потехи,
Смелет он на жернову
И поет про скорлупу.*

Этот эпиграф, смастеренный, очевидно, самим сочинителем, может служить образчиком и вывескою слога, мыслей, понятий и чувств, которыми отличается роман. Это больше, чем просто бездарность: это явное отсутствие здравого смысла. Не только г. Воскресенский, но даже гг. Кузьмичев и Славин — гении первой величины в сравнении с г. Классеном.

Комментарии

См. примеч. 7 к «Литературным и журнальным заметкам» (наст. т., с. 596).

[^^^]

2

Белинским была написана рецензия на этот роман В. М. Федорова. В ней беспощадно высмеивались и роман, и его автор.

[^^^]

П. В. Киреевский действительно четверть века собирал русские народные песни, но опубликовал только незначительную часть их. После смерти Киреевского были осуществлены издания текстов, собранных им: под ред. П. А. Бессонова (вып. 1–10. М., 1860–1874); под ред. В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского (вып. 1, 2. М., 1911–1929); новейшее издание «Собрание народных песен П. В. Киреевского», т. 1. Л., «Наука», 1977, но они не исчерпали материалов Киреевского.

[^^^]

Исторические взгляды Погодина наиболее полно развиты им в обширном труде «Исследования, замечания и лекции о русской истории», т. I–III. М., 1846.

[^^^]

См. примеч. 15 и 18 к «Литературным и журнальным заметкам. Несколько слов «Москвитянину».

[^^^]

6

Намек на доносительский характер критических выступлений Шевырева.

[^^^]

Речь идет о стихотворениях А. С. Хомякова «Киев» (1839) и «России» (1839).

[^^^]

«Москвитянин».

[^^^]

См. примеч. 8 к «Журнальным и литературным заметкам».

[^^^]

М. И. Воскресенский. Сердце женщины. М., 1842.

[^^^]